

КОСАРЕВА Владислава Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Гражданского права и процесса» частного
образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики»,
e-mail: vvkosareva@yandex.ru

МАЛЫЙ Максим Владимирович,
старший преподаватель кафедры
«Гражданского права и процесса» частного
образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики»,
e-mail: kolmogorovmv@mail.ru

СТЕЦЕНКО Валентина Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
«Гражданского права и процесса» частного
образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики»,
e-mail: vusteshenko@bk.ru

ДОСУДЕБНЫЙ МЕХАНИЗМ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается механизм досудебного урегулирования споров как неотъемлемый элемент системы защиты гражданских прав. Особое внимание уделяется эволюции претензионного порядка и альтернативных процедур в контексте гражданско-процессуального регулирования, их роли в урегулировании конфликтов вне судебных разбирательств, а также проблемам правового обеспечения, включая отсутствие унифицированных правил медиации, недостаточную интеграцию цифровых технологий и нечеткость ответственности сторон за уклонение от обязательных досудебных стадий. На основе анализа судебной практики и доктринальных подходов обосновываются рекомендации по совершенствованию нормативного поля, направленные на повышение эффективности указанных институтов, снижение нагрузки на судебную систему и укрепление принципов добросовестности в гражданском праве.

Ключевые слова: досудебное урегулирование споров, претензионный порядок, защита гражданских прав, альтернативные процедуры, гражданско-процессуальное регулирование, медиация.

KOSAREVA Vladislava Vladimirovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Civil Law and Procedure,
Saint Petersburg University of Management Technologies
and Economics, Private Educational Institution
of Higher Education

MALYI Maksim Vladimirovich,
Senior Lecturer,
Department of Civil Law and Procedure,
Saint Petersburg University of Management Technologies
and Economics, Private Educational Institution
of Higher Education

PRE-TRIAL DISPUTE SETTLEMENT MECHANISM AS AN ELEMENT OF THE SYSTEM OF PROTECTION OF CIVIL RIGHTS

Annotation. *This article considers the mechanism of pre-trial settlement of disputes as an integral element of the civil rights protection system. Particular attention is paid to the evolution of the claim procedure and alternative procedures in the context of civil procedure regulation, their role in resolving conflicts outside court proceedings, as well as legal support problems, including the lack of unified mediation rules, insufficient integration of digital technologies and unclear responsibility of the parties for evading mandatory pre-trial stages. Based on the analysis of judicial practice and doctrinal approaches, recommendations are substantiated to improve the regulatory field aimed at increasing the effectiveness of these institutions, reducing the burden on the judicial system and strengthening the principles of good faith in civil law.*

Key words: *pre-trial settlement of disputes, claim procedure, protection of civil rights, alternative procedures, civil procedure regulation, mediation.*

В теоретическом осмыслении системы защиты гражданских прав досудебное урегулирование споров занимает центральное место, поскольку отражает изначальную природу гражданско-правового конфликта – не как неизбежного столкновения противоположностей, а как возможность их преобразования через осознанный диалог субъектов. Здесь диспозитивность предстает не абстрактным принципом, а живым механизмом, позволяющим сторонам самостоятельно восстанавливать нарушенное положение вещей, не прибегая сразу к внешнему принуждению. Размышляя об этом, нельзя не заметить, как игнорирование досудебной стадии обедняет всю парадигму охраны, сводя ее к простому восстановлению прежнего положения и упуская шанс на более глубокую гармонизацию интересов. Досудебное урегулирование обогащает систему защиты гражданских прав, делая ее не просто реактивной, а предвосхищающей, где защита прав становится процессом непрерывного совершенствования правовых связей между индивидами.

Системный взгляд позволяет углубить эту идею, представляя досудебное урегулирование как замкнутый контур, в котором автономия воли сторон взаимодействует с установленными рамками права, постепенно снижая сложность спора. В обыденной практике конфликта переговоры или посредничество нередко порождают не просто компромисс, а новые формы поведения, устойчивые к будущим вызовам, что определяет теоретическую ценность данного института. Без такой прослойки система защиты рискует застыть в жесткой модели, где государство навязывает

решения, вместо того чтобы стимулировать внутренние ресурсы общества. Таким образом, досудебные процедуры составляют не периферию, а сердцевину системы, обеспечивая динамику от конфронтации к кооперации и укрепляя фундамент гражданского права как сферы свободного взаимодействия.

Конституция Российской Федерации гарантирует всем субъектам, находящимся в ее правовом поле, защиту их прав и свобод (ст.ст. 45-46), выступая фундаментальной основой государственной политики в сфере правозащиты. В соответствии с частью 2 статьи 45 каждый вправе защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами, что отражает принцип диспозитивности и многоуровневости механизмов защиты – от внесудебных процедур до обращения в суды общей юрисдикции или арбитражные инстанции, – стимулируя тем самым баланс между автономией сторон и государственным принуждением в интересах восстановления нарушенного правопорядка.

На данный момент в обществе превалирует практика обращения в судебные инстанции за защитой своих прав и законных интересов. Это логично и объяснимо. По мнению С.С. Алексеева государство имеет все необходимые властные инструменты, которые имеют силу и влияние для сохранения некоего корпоративного союза [1, с. 8]. Специфической задачей данного союза является охранительный порядок принудительного характера. Теория государства и права рассматривает инструмент принуждения, как отличительный признак государства. Р.Н. Самойлюк отмечает, что влияние государства в урегулиро-

вании конфликта носит ключевой характер, инструменты принуждения используются, как при принудительном, так и при добровольном порядке исполнения обязательств [2, с. 13]. Таким образом, право является закрепленным в нормативном формате «общественным интересом», который охраняется в случае нарушения этих прав судебной защитой.

Ряд исследований и статистические данные говорят о неуклонном росте гражданских дел. Так, например, по статистическим данным с официального сайта Агентства правовой информации, в 2024 году было рассмотрено на 1 млн. больше исковых заявлений, чем в 2023, однако в первом полугодии 2025 года наблюдается снижение общего числа исковых заявлений в гражданском судопроизводстве в судах общей юрисдикции на 25 процентов по сравнению с аналогичным периодом прошлого 2024 года. Одной из причин может являться увеличение государственных пошлин. Несмотря на некоторый спад обращений, суды все так же перегружены, а исполнение судебных решений по гражданским делам происходит на недостаточном уровне, что снижает эффективность осуществления правосудия.

Между тем отмечается тенденция роста роли досудебного урегулирования и доверия к данному порядку урегулирования споров.

Переход от анализа эмпирических тенденций к теоретическому осмыслению системы защиты гражданских прав позволяет выявить ключевой парадокс современной правовой реальности: рост альтернативных механизмов урегулирования споров, включая досудебные процедуры, не устраняет фундаментальной зависимости от традиционной юрисдикционной модели, где государство сохраняет монополию на принудительное восстановление правопорядка. Статистически констатируемая перегрузка судов и формирующееся доверие к внесудебным формам разрешения конфликтов сигнализируют о необходимости концептуальной реинтеграции досудебного урегулирования в общую парадигму охраны, где оно выступает не как опциональный этап, а как предпосылка эффективности процессуальной защиты. В этом контексте теоретическое переосмысление самого понятия «защита нарушенного или оспоренного права» приобретает особую значимость, поскольку позволяет обосновать место досудебных механизмов в системе, ориентированной на достижение необходимого результата через компетентные субъекты.

В теории гражданского права нет четкого определения понятию «защита нарушенного или оспоренного права». Мы рассмотрим два под-

хода к определению данной дефиниции. Первое – в рамках процессуальной защиты нарушенного права при участии уполномоченных государством субъектов; второе – наличие правового результата процессуальной деятельности уполномоченных государством субъектов, а именно наличие судебного акта. Данные подходы имеют общую черту, защита права осуществляется компетентными субъектами. Перечень уполномоченных государством субъектов перечислен в ст. 11 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а именно: суд общей юрисдикции, арбитражный суд и третейский суд. Таким образом, система защиты нарушенных и оспоренных прав – это совокупность процессуальных действий, осуществляемых уполномоченными на то государством субъектами от имени государственных и третейских судов, направленная на рассмотрение и разрешение отнесенных к их ведению дел.

Помимо обращения в государственные суды, субъекты правоотношений, защищая свои права, вправе обратиться в третейский суд. В современной российской правовой системе он функционирует как полноценная альтернатива государственной судебной защите и судопроизводству способ, поскольку его решение облачается в форму исполнительного листа, непосредственно обязывающего должника и кредитора к исполнению. Наличие такого документа по итогам третейского разбирательства, в свою очередь, становится безусловным основанием для отказа в принятии искового заявления как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных инстанциях, что подчеркивает полноценность данного механизма и предотвращает дублирование процедур. В этом контексте реформа третейского судопроизводства, сократившая число постоянных арбитражных учреждений, но повысившая требования к их прозрачности и независимости, усиливает привлекательность института для коммерческих споров, где оперативность и конфиденциальность играют решающую роль. Однако затяжной процесс формирования состава суда и рассмотрения дела по существу порождает новые вызовы, делая третейское разбирательство скорее гибким дополнением к государственной системе, чем ее полной заменой, и побуждая к дальнейшему совершенствованию норм ГПК РФ и АПК РФ в сторону цифровизации и унификации процедур.

Реформу института третейских судов необходимо продолжать, совершенствуя процедуры формирования состава суда и порядок разрешения дела по существу. Данный институт заслуживает дальнейшего развития: его гибкость позволяет учитывать специфику спора, способствуя

сохранению деловых отношений сторон, в то время как реформа открывает перспективы для цифровизации процедур, что могло бы минимизировать бюрократические барьеры и повысить оперативность. В долгосрочной перспективе усиление роли третейских судов способно разгрузить государственную судебную систему, особенно в сфере коммерческих споров, где оперативность и конфиденциальность имеют приоритетное значение. Таким образом, перспективным направлением развития отечественного законодательства может стать дальнейшее совершенствование данного порядка разрешения споров, который должен реализовываться осознанно, на основе взаимного согласия сторон, в рамках поиска и реализации компромиссных решений.

Одним из ключевых моментов является конфиденциальный характер третейского разбирательства. Однако в соответствии с федеральным законом от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» такие суды вправе рассматривать не все дела. Например, дела, связанные с коллективными исками, семейными и трудовыми спорами, публичными и административными спорами, наследственными делами суд не вправе рассматривать. Третейским судом могут быть рассмотрены дела, касающиеся взыскания убытков, возврата долга, возврата имущества, конфликты, связанные со спорами между партнерами, инвесторами, организациями, сделки, связанные с имуществом (купля-продажа, аренда, лизинг, подряд, перевозки, хранение, страхование, банковские гарантии и т.д.), интеллектуальной собственностью (авторские права, патенты, товарные знаки).

Отечественная история знает немало попыток создания альтернативных механизмов разрешения споров. Прежде всего отметим, что под претензионным порядком разрешения спора или досудебным порядком урегулирования спора понимается одна из форм защиты гражданских прав. Данная форма урегулирования спора предполагает непосредственное разрешение конфликта между сторонами. Предполагается урегулирование спора до передачи дела в арбитражный или иной государственный суд. Претензионный порядок предполагает инициацию согласительной процедуры по признанию должником требования кредитора. В данном порядке спор разрешается до обращения в суд. Так, например, в случае просрочки должника кредитор может потерять интерес к исполнению обязательства, тогда кредитор вправе требовать возмещения убытков.

Рассмотрим задачи, которые стоят перед претензионным порядком:

1. Защита законных прав и интересов субъектов гражданских правовых отношений.
2. Восстановление законных прав и интересов субъектов гражданских правовых отношений.
3. Определение причин, которые влекут невыполнение договорных обязательств.
4. Предупреждение нарушений договорных обязательств.
5. Упорядочивание и налаживание экономических показателей организаций.
6. Возмещение причиненного ущерба и т.д.

Отметим, что исполнение обязательств может осуществляться как в принудительном, так и в добровольном порядке. При этом случаи добровольного исполнения остаются относительно редкими, хотя в сфере малого и среднего бизнеса данный механизм последовательно набирает авторитет. Грамотно составленная претензия, правильно подобранные аргументы приводят субъектов к обоюдному согласию в решении спора. Претензионный порядок разрешения споров формируется из норм действующего законодательства РФ, а также условий договора, заключенного между сторонами. Данный правовой порядок закрепляет возможность защиты и урегулирования споров, а в случае неисполнения, несоблюдения приводит к применению установленных законом санкций. В случае, если факт несоблюдения претензионного порядка будет определен судом при решении вопроса о принятии дела к производству, исковое заявление будет оставлено без движения (ст. 128 Арбитражный процессуальный кодекс РФ, далее - АПК РФ). В случае, если в установленный срок нарушения не будут устранены, исковое заявление будет возвращено (ст. 129 АПК РФ).

Очевидно, игнорирование обязательного претензионного порядка существенно осложняет защиту нарушенных прав. Также для решения данной задачи был принят Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Данный нормативный акт вводит институт медиации как новый механизм урегулирования споров. Суть этого института состоит в том, что субъекты спора наделяются правом привлекать к разрешению конфликта третье лицо – медиатора, обладающего профессиональными навыками в области урегулирования конфликтов. Медиатор выступает в качестве беспристрастной стороны, не связанной интересами участников, и обязан приложить все усилия для содействия сторонам в достижении взаимоприемлемого решения. Закон об альтернативных процедурах урегулирования споров вносит прогрессивные новеллы, однако

содержит и определенные недостатки. Прежде всего, институт медиации лишен публично-правового регулирования, поскольку представляет собой частноправовую процедуру, дополняющую претензионный порядок и служащую альтернативой, в частности, прямым переговорам между сторонами. Закон четко квалифицирует медиативную деятельность как не подлежащую лицензированию.

На сегодня не существует государственной регистрации медиаторов, равно как объединений, которые могли бы организованно взаимодействовать с представителями власти по актуальным вопросам оказания посреднических услуг по урегулированию споров. Помимо прочего, медиатор может быть как профессиональным, так и непрофессиональным, т.е. высшее юридическое образование не обязательно для всех. Кроме того, медиатор не несет персональную ответственность за результат, так как не является участником соглашения, которое стороны заключили по окончании медиативной процедуры. Иными словами, соглашение подписывают непосредственно стороны конфликта, соответственно, субъекты несут гражданско-правовую ответственность. Данный институт лишен публично-правовых признаков. Медиативное соглашение представляет собой добровольное соглашение, которое невозможно привести в исполнение в принудительном порядке. Таким образом, институт медиации (посредничества) был ранее уже предусмотрен и принят, а Закон об альтернативной процедуре урегулирования споров лишь дополняет имеющиеся положения ГК РФ.

Стоит обратить внимание, что часть 2 ст. 182 ГК РФ трактует субъектов, ведущих переговоры, скорее, как посредников, нежели представителей: они стимулируют компромисс и подталкивают к заключению гражданско-правовой сделки, и именно к таким посредникам относятся лица, указанные в этой норме. Н.А. Новиков справедливо делит сделки на судебные и внесудебные [3, с. 46], а Е.В. Васьковский, приравнивая мировую сделку к постановлению третейского суда по юридической силе [4, с. 58], тем не менее выявляет существенное различие: арбитражное решение исполняется принудительно как судебный акт, тогда как мировая сделка порождает лишь новое договорное обязательство, зависящее от добросовестности сторон. То же касается медиативного соглашения, чьи последствия существенно слабее процессуального примирения: материально-правовая мировая сделка, поданная в суд, воспринимается им как рядовое письменное доказательство, способное обосновать возражение о прекращении спора, но не более

того. В этом смысле внесудебное примирительное соглашение предстает типичным гражданско-правовым договором без публично-правовой подпорки, что, с одной стороны, обеспечивает гибкость и оперативность, с другой – несет риски неисполнения и требует от сторон повышенной договорной дисциплины, побуждая законодателя к уточнению механизмов его принудительного исполнения, дабы усилить доверие к альтернативным формам урегулирования и разгрузить судебную систему от тривиальных конфликтов.

Таким образом, медиация не является единственной формой досудебного урегулирования. Соглашение о примирении может быть заключено самими участниками конфликта с помощью прямых переговоров или переговоров с участием третьего лица, например, эксперта, специалиста в конкретном спорном вопросе, ученого или практика. Хотелось бы отметить, что в отношении медиативного соглашения действует возможность его нотариального удостоверения. Так, п. 5 ст. 12 Закона об альтернативной процедуре урегулирования спора дает сторонам возможность придания медиативному соглашению силы исполнительного листа. В соответствии со ст. 59.1 Основ законодательства РФ о нотариате, нотариус удостоверяет медиативное соглашение с обязательным участием медиатора, а медиативное соглашение должно содержать подписи спорящих сторон. Положения указанных нами норм ставят медиаторов в приоритетное положение относительно других посредников, участвующих в споре. Безусловно, большинство документов и соглашений можно удостоверить у нотариуса, однако только медиативное соглашение будет иметь силу исполнительного листа. Отсутствие у института медиации признаков публично-правового регулирования не позволяет включить данную правовую процедуру в систему защиты нарушенных или оспоренных гражданских прав.

Следующий способ правовой защиты связан с внесением изменений в сфере онлайн-торговли. В данный момент сложилась практика урегулирования споров с участием потребителей и поставщиков (производителей) посредством цифровых платформ последних. Сегодня все крупные онлайн-платформы предоставляют покупателю возможность направить претензию в рамках разрешения спора с помощью онлайн-форм обратной связи, зачастую через личный кабинет.

Хотелось бы отметить, что онлайн-урегулирование споров сформировало устойчивую практику, в которой стороны могут заключить соглашение без обращений в официальные органы. Хотелось бы отметить, что подобный порядок разрешения споров не имеет существенных отли-

чий от разрешения спора с участием медиатора, так как регулирование осуществляется с применением гражданского права и результатом становится частноправовое соглашение. Единственное отличие заключается в том, что взаимодействие происходит с применением ИТ-средств, на площадках самих сервисов, торговых площадках с привлечением службы поддержки. Определяющим признаком будет являться досудебное урегулирование.

Внесудебная форма урегулирования касается посредничества и медиации в равной степени. Также нельзя не затронуть процессуальный институт судебной примирительной процедуры. В соответствии со ст. 153.2 ГК РФ, данный институт носит публичный характер с элементами процессуального права и судопроизводства. Возможность примирения сторон в процессе рассмотрения дела в суде (по инициативе судьи) существенно снижает нагрузку на судебную систему, так как дает возможность завершать дела составлением мирового соглашения. Ряд исследователей отмечает, что данная процедура не является вполне самостоятельной, так как инициатива исходит от судьи.

Таким образом, является целесообразным введение досудебного порядка урегулирования спора (например, в отношении индивидуальных предпринимателей, имущественных споров организаций, подведомственных арбитражному суду, с учетом сроков, которые определяет суд или договор).

Хотелось бы отметить, что досудебный порядок урегулирования споров также определен Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства».

Досудебное урегулирование споров осуществляется в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Необходимо помнить, что отношения, возникающие из публично-правовой сферы, в том числе административной, не могут изменить сути нормативного правового акта. Процедура может быть применена только в конкретном деле по конкретному вопросу. Ряд исследователей считает, что право претензионного урегулирования спора должно быть законодательно закреплено, но не должно препятствовать обращению в суд. В случае, если требование о примирении предъявлено прокурором, то обязательное досудебное урегулирование является обязанностью истца.

В порядке статей 45 и 46 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) заявление о возбуждении гражданского дела может

быть подано должностным лицом или иным уполномоченным субъектом органа публичной власти. Статья 46 ГПК РФ предполагает отсутствие возможности возврата дела на основании отказа сторон от досудебного порядка разрешения спора. В случае, если стороной спора является государство, а процедура урегулирования спора предусмотрена договором или законом, то досудебное урегулирование будет являться обязательным.

Е.В. Михайлова считает, что суду необходимо учитывать дела, по которым в гражданском процессуальном праве или арбитражном судопроизводстве досудебное урегулирование является обязательным, и учитывать данное обстоятельство при решении вопроса о принятии искового заявления к рассмотрению [5]. Согласимся с позицией Лисицына Ю.В., Трофимова М.С., которые отмечали, что досудебное урегулирование должно применяться тогда, когда это указано в нормативных правовых актах; расширительное толкование в данном случае не применяется [6, с. 97]. Часть 4 статьи 3 ГПК РФ рассматривает порядок принятия решения о рассмотрении судом общей юрисдикции искового заявления субъекта и невозможность отказа в рассмотрении дела ввиду исполнения субъектом стороны конфликта обязанности досудебного урегулирования, предусмотренного договором. Так, пункт 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» признает использование досудебного порядка урегулирования спора в том случае, если субъект конфликта предъявит доказательство использования данного порядка разрешения спора. Документами, подтверждающими факт проведения процедуры досудебного урегулирования, являются: протокол разногласий, соглашение сторон при использовании процедуры медиации без достижения согласия сторон конфликта, в том числе заявление или иные данные, подтверждающие отказ стороны конфликта в продолжении процедуры медиации (например, деловая переписка или протокол разногласий и т.д.).

В рамках развития высоких технологий возникает вопрос о реальном участии стороны конфликта, например, в онлайн-переписке, когда по фотографии можно создать иллюзию участия и стремления стороны конфликта к его урегулированию или же возникновение проблемы урегулирования конфликта, когда одна из сторон полностью отказывается реагировать на сигналы противоположной стороны (не отвечает на предложения о встрече, не отвечает в мессенджерах и

почте). Каким образом заинтересованная сторона может соблюсти требования законодателя? Каким образом обратная сторона конфликта может защитить себя от подобного рода ситуации? Каким образом можно доказать и подтвердить реальное стремление и сам факт проведения процедуры в рамках онлайн-урегулирования спора?

Часто информация, которая была указана в деловой переписке, может быть удалена одной из сторон, а функция копирования информации – запрещена. Даже если сторона не успела удалить информацию, и заинтересованная сторона смогла, например, заснять переписку с другого гаджета, насколько данный материал будет являться доказательством? Ведь такого рода запись тоже легко изменить в специальных программах.

В теории гражданского процесса принято строго разграничивать два ключевых понятия – защиту нарушенного субъективного права и урегулирование правового конфликта, – где первая опирается на привлечение уполномоченных публичных субъектов, в первую очередь государственных судов, для установления вины и пострадавшей стороны с целью реставрации правового равновесия, что неизбежно предполагает властный элемент принуждения. Досудебное урегулирование, напротив, выстраивается как обособленный институт частноправового характера: здесь консенсус сторон приводит к полному прекращению спорного материального правоотношения, минуя судебную стадию, и это отличает его от более жестких механизмов, хотя в практике часто возникают вопросы о доказательной силе таких соглашений в последующих процессах.

В нашем анализе гражданские правоотношения трактуются широко – как феномен, пронизывающий частноправовую и публично-правовую сферы, – что позволяет учесть гибридные формы вроде административных споров с элементами гражданского оборота. Публичная система защиты, полагаясь она целиком на государственные суды, резко контрастирует с досудебной автономией, но в промежуточных сценариях подпадают третейские суды, где сохраняется видимость независимости при сохранении исполнительной силы решений. В итоге вырисовываются два полюса урегулирования конфликтов – судебный, с его примирительными процедурами в рамках процесса, и досудебный, опирающийся на переговоры, медиацию или даже онлайн-платформы, – и такой дуализм не только отражает фундаментальный конфликт автономии и суверенитета государства, но и побуждает к реформам, направленным на цифровизацию досудебных

инструментов, чтобы они не уступали по эффективности судебным, особенно в эпоху активного развития искусственного интеллекта.

Скорее всего, судебная примирительная процедура не может рассматриваться в качестве основного способа защиты нарушенного права, так как она не решает одну из основных задач – разгрузить государственную судебную систему.

В контексте теории гражданского процессуального права досудебное урегулирование спора квалифицируется как автономный институт гражданско-правовой деятельности, функционально ориентированный на конструктивное разрешение правового конфликта посредством диспозитивных механизмов, без привлечения публичной властной юрисдикции государственной судебной системы. Несмотря на то что императивные предписания действующего законодательства – в частности, ст. 4 АПК РФ и ст. 132 ГПК РФ – устанавливают обязательность претензионного или иного досудебного порядка в ряде случаев, нормативная база остается фрагментарной, лишена системного детализирования процедурных стадий, сроков и форм фиксации договоренностей. Данное положение вещей свидетельствует о доктринальной и практической неразработанности внесудебного урегулирования споров, где, с одной стороны, обеспечивается парадигма автономии частноправовых субъектов (ст. 1 ГК РФ), с другой – возникают пробелы, чреватые процессуальными рисками и неопределенностью исполнения. В этой связи целесообразно законодательное кодифицирование общих стандартов досудебного порядка, интегрирующее принципы добросовестности и разумности (ст. 10 ГК РФ), что укрепило бы системную эффективность правозащиты и реализовало конституционный императив доступности правосудия (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ).

Список литературы:

- [1] Архипов С.И. Идея правового прогресса в трудах С.С. Алексеева / С.И. Архипов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2019. – № 6. – С. 5-10.
- [2] Самойлюк Р.Н. Понятие, признаки и сущность государственной власти / Р.Н. Самойлюк // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2015. – Т. 5, № 4. – С. 11-26.
- [3] Новиков Н.А. Судебное примирение в арбитражном судопроизводстве: теория и практика / Н.А. Новиков // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 5. – С. 46-53.
- [4] Гаджиев Г.А. Е.В. Васильковский и современная цивилистическая методология / Г.А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2016. – № 8(236). – С. 57-64.

[5] Михайлова Е.В. Досудебный порядок урегулирования спора в системе защиты гражданских прав / Е.В. Михайлова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 1. – С. 80-95.

[6] Лисицын Ю.В. О перспективах внедрения института судебного примирения в российское процессуальное законодательство / Ю.В. Лисицын, М. С. Трофимова // Beneficium. – 2020. – № 1(34). – С. 95-102.

References:

[1] Arkhipov S.I. The idea of legal progress in the works of S.S. Alekseeva/S.I. Arkhipov//Electronic Appendix to the Russian Law Journal. – 2019. – № 6. – S. 5-10.

[2] Samoiluk R.N. Concept, signs and essence of state power/R.N. Samoiluk//Science.

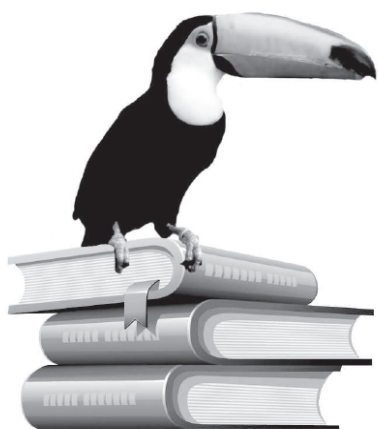
Thought: Electronic periodical. – 2015. – Т. 5, NO. 4. – S. 11-26.

[3] Novikov N.A. Judicial reconciliation in arbitration proceedings: theory and practice/N.A. Novikov//Russian law: education, practice, science. – 2021. – № 5. – S. 46-53.

[4] Gadzhiev G.A. E.V. Vaskovsky and modern civil methodology/G.A. Gadzhiev//Journal of Russian Law. – 2016. – № 8(236). – S. 57-64.

[5] E.V. Mikhailova. Pre-trial procedure for settling a dispute in the civil rights protection system/E.V. Mikhailova//Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2022. – № 1. – S. 80-95.

[6] Lisitsyn Yu.V. On the prospects for introducing the institution of judicial reconciliation into Russian procedural legislation/Yu.V. Lisitsyn, M.S. Trofimova//Beneficium. – 2020. – № 1(34). – S. 95-102.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.